

Петр Лопатовский

Эдик

Петр Лопатовский

Эдик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63115248

SelfPub; 2021

Аннотация

Эдик – молодой парень, бывший военный. На войне он услышал пророчество от одной женщины, что его не убьет то, что убивает солдат, но то, что спасает жизни, может его погубить. Он живет, проверяя первую часть пророчества, но не думая о другой. Однажды он сталкивается с тем, что может его погубить.

Петр Лопатовский

Эдик

Эдик, парень лет около тридцати, работал на одной известной киностудии помощником реквизитора. Он занимался тем, что проверял образцы оружия, используемые в съемках фильмов, на безопасность, и если они не отвечали нужным требованиям, то он их дорабатывал. На работе все звали его Эдиком, почти никто не знал его фамилию, а отчество и подавно. Впрочем, он на это не обижался. Очень немногие из его коллег помнили, как Эдик попал на студию. Несколько лет назад туда его привел режиссер Насонов, который был с ним знаком по какой-то ранней работе. И всего трое, включая Насонова, знали подробности истории Эдика. В девяностые, Насонов снимал документальный фильм о балканской войне, где и познакомился с молодым сержантом, у которого он взял интервью. Отец Эдика был серб, а мать русская. Так получилось, что, когда родители развелись, он остался жить с отцом, а к матери с сестрой ездил иногда в гости. Когда началась война, Эдик стал командиром взвода сербской армии. Причина, по которой режиссер решил взять интервью именно у него, была не столько в том, что Эдик участвовал в боевых действиях, но в большей степени из-за истории о его чудесном спасении во время одного из боев. В тот раз взвод под командованием Эдика попал в окружение.

Все солдаты погибли и только сержант продолжал отстреливаться из горящего дома. Он остался жив, но что удивительно, не получил ни одного огнестрельного ранения хотя и пострадал от огня и падающих бревен. Насонов взял у него интервью, а заодно обменялся с ним адресами и телефонами, так как хотел в последствии продолжить беседу. Война закончилась, и Эдик вернулся домой, но не к отцу, а к матери в Рязань. По приезде он почти сразу крепко запил и наверно так бы и погиб от этого недуга если бы не его сестра. Она знала об интервью и написала письмо Насонову в Москву, о том в каком состоянии находится ее брат и с просьбой помочь. Насонов все вспомнил, откликнулся и даже приехал к ним в гости. Обрато в столицу, он вернулся уже с Эдиком. Сначала бывшего сержанта взяли в подсобные рабочие, таскать и устанавливать оборудование. Но довольно скоро, одно происшествие, помогло Эдику сменить род деятельности, и стать помощником реквизитора. Однажды на съемках какого-то военного фильма произошел несчастный случай, актер, выстрелив из автомата, ранил себя в ногу. Непонятно, как, но патрон, как и оружие оказались боевыми. Режиссер был вне себя. Он кричал, чтобы ему немедленно нашли человека способного отличить боевой патрон от холостого и который может грамотно подготовить реквизит. Эдик в этот момент был рядом и подойдя к режиссеру, скромно сказал, что он мог бы это делать.

– Делать что? – спросил режиссер

– Ну, вам же нужно чтобы оружие стреляло, и при этом никто не пострадал. Я могу взять эту работу на себя.

– Ну что же, валяй. Месяц испытательного срока и за тобой приглядит наш главный реквизитор Борис Степанов.

Через месяц ни у кого не было сомнений, что Эдик справляется со своей работой на отлично. Студия заключила с ним контракт, и он стал помощником Степанова, по работе с оружием. Надо сказать, что у Эдика была довольно странная манера финальной проверки своей работы. Он брал заряженное оружие в руки, приставлял дуло к голове, а потом нажимал курок. Конечно, он не делал этого прилюдно, но один раз, кто-то из сотрудников студии, зашедший к нему, увидел эту картину. Сначала этот его прием, наделал много шума и сильно озадачил руководство студии. Эдика даже вызывали к директору на разговор. Однако позже, когда все поняли, что это не бравада или какой-то трюк, а уровень профессионализма, перестали об этом говорить. Зато у режиссеров и актеров Эдик стал пользоваться большим уважением. Его проверка была гарантией безопасности реквизита.

Так Эдик работал год за годом, имея знакомых и не имея друзей, не имея увлечений кроме работы, но и не впадая в запой, на каком-то механическом режиме. И так бы наверно все и продолжалось, если бы в один летний день Эдик не опоздал на работу. В первый раз в жизни. Случилось это по вполне уважительной причине. Накануне вечером он занемог и утром был совершенно разбит. Тем не менее Эдик со-

брался с силами и пошел на работу по дороге зайдя в аптеку и прикупив разных лекарств способных облегчить его состояние. Обычно, он старался себя не распускать, да и человек он был закаленный, но в этот раз не уберется. Когда он заходил в студию на встречу ему попала Танечка. Танечка была помощником режиссера, картину которого в этот момент снимали на киностудии. Всегда стильно одетая и с безупречным макияжем, она никогда не опаздывала, но и задерживаться на работе не любила. В общении, Таня была в меру кокетлива, и очень очаровательна. Однако, ни то ни другое, как оказалось ни являлось поводом подумать о ней что-то плохое. Все ловеласы студии быстро получили от ворот поворот со своими не пристойными предложениями. Дружно решив, что это чужая полянка, и нечего на ней топтаться, имея в виду режиссера, они отступили. На самом же деле, она была очень трудолюбивым и толковым человеком, что сразу очень сильно облегчило жизнь режиссера Власова чьим ассистентом она была. Будучи человеком мудрым, Власов решил не развеивать созданный миф, с тем чтобы и в дальнейшем оградить Танечку от всяких посягательств. Остановившись перед Эдиком, Таня посмотрела ему в лицо и немного сердито сказала:

– Вас все заждались, даже съемки пришлось остановить. Вы срочно нужны, чтобы проверить новый реквизит.

Эдик, который никогда такого не слышал, так как никогда не опаздывал, остановился и внимательно посмотрел на Та-

нечку. Она была молода и удивительно хороша, так подумал Эдик. Таня в свою очередь, с удивлением увидела, что Эдуард выше, чем казался раньше, у него красивые серые глаза, мужественный подбородок и длинный шрам на левой щеке. Этот шрам ничуть его не портил, но ещё больше добавлял мужественности лицу помощника реквизитора. Надо добавить, что до этого раза Таня, как, впрочем, и другие сотрудники студии практически не имела возможности рассмотреть Эдика внимательно. Он приходил рано, уходил поздно. При ходьбе он немного сутулился, поэтому она и удивилась тому, что Эдуард оказался довольно высоким. Практически все время он проводил в своей коморке среди железа и инструментов, и спокойно мог разговаривать сидя к собеседнику спиной, продолжая делать свою работу. Танечка инстинктивно поступила так, как поступают многие девушки, когда перед ними открывают футляр с дорогим украшением на людях. Они стараются скорее закрыть его, так и Таня, схватив Эдика под руку быстро повела его к режиссеру, объясняя какие к нему есть вопросы. Эдуард тоже находился под впечатлением, которое на него произвела Танечка и на ее вопросы отвечал односложно.

Вечером того же дня, когда Эдик в своей коморке работал над автоматом ППШ необходимого для съемок на следующий день, к нему постучали. Дверь открылась и к каморку вошла Танечка. Она пришла чтобы передать, чего надо сказать она не делала никогда, несколько портупей и патронташ,

требующих ремонта. Таня оглядела его коморку, увешанную недоделанными и разобранными автоматами, пистолетами и даже гранатами. Она никогда бы не сказала, что ее могут так заинтересовать эти мужские игрушки, но сейчас она с неподдельным интересом разглядывала все эти экспонаты. Поздоровавшись с Эдиком, Таня задала несколько вопросов относительно некоторых непонятных ей предметов. Эдик с удовольствием на них ответил и вдобавок рассказал несколько интересных историй про те модели оружия, которые ему особенно нравились. Разговор у них завязался, и они не заметили, как вышли со студии на улицу. Таня с Эдиком прогуляли часа три по городским окрестностям, заглянув в кофейню на набережной Яузы. Напоследок, осмелевший Эдик, недуг которого неожиданно отступил, предложил встретиться на выходных и сходить куда-нибудь. Танечка несколько смутилась и сказала:

– На этих выходных не получится я завтра на неделю уезжаю в командировку, а вот на следующих можно и сходить.

На этом они и расстались. На следующий день Эдик снова почувствовал недомогание, но превозмог себя и отправился на работу. Там он решил прибраться, и пол дня посвятил разбору и упаковыванию лежащих повсюду деталей и инструментов по полочкам, ящикам и крючочкам. Несколько дней он, борясь с недугом ходил на работу поддерживая себя ожиданием предстоящей встречи. Настал последний день ожидания Тани, завтра она должна была приехать. Эдик сидел

на стуле оперевшись локтями на стол. Он только что принял порцию лекарств, но легче ему не становилось. Последнее время, он часто погружался в воспоминания. Особенно, ему не давал покоя один эпизод его жизни. Это был еще один момент связанный с тем памятным боем, но о котором Эдик никому не рассказывал. Он отстреливался из окна горящего дома, от наступавших боевиков. Даже когда крыша стала проваливаться, и начали падать горящие бревна, он продолжал стрелять. Однако боевиков было слишком много и спастись шансов не было. Неожиданно, стрельба по дому прекратилась, и Эдик понял, что его враги отошли. Видимо они решили в этом пожаре никому не выжить. Тогда сержант выбрался через окно и упал на землю рядом с объятым пламенем домом. Так он лежал некоторое время, но собравшись с силами встал и, взяв с земли свой автомат, пошел. Довольно скоро Эдик увидел, что его взвода больше не существует, все его солдаты погибли. Большинство лежали около домов, а несколько человек на пригорке у леса, видимо они пытались прорваться из окружения. Почти все строения, которые были в поле зрения Эдика оказались объаты пламенем и разрушены. Однако один дом, который был ниже других, и стоял ближе всех к лесу, не был тронут боем. Его стены, покрытые белой глиной, очень контрастировали с почерневшими стенами других домов. Эдик, собрав силы побрел к нему, надеясь, что там ему удастся отдохнуть и привести себя в порядок. Дом окружал низенький плетень, но калитка в

нем была открыта. Пройдя внутрь двора, Эдик остановился и перевел дух. У него очень болела левая нога, видимо он вывихнул ее, когда выбирался из дома. Сделав еще несколько шагов, сержант приставил к перилам автомат и опустился на ступеньки перед входом. Вдруг он услышал, как со скрипом открылась дверь в дом. Он резко обернулся, но увидел лишь пожилую женщину, стоящую на пороге. Она сделала пару шагов и этого было достаточно, чтобы Эдик понял, что женщина очень плохо видит или вообще слепа. Он поднялся и как мог объяснил кто он, и что ему нужна помощь. Она качнула головой в знак того, что поняла и жестом пригласила в дом. Эдик вошел в небольшую комнату с лавкой и столом сделанных умелыми руками плотника. Напротив стола в стене была печь. Раненый солдат, доковылял до лавки, и с удовольствием уселся на ней, прислонившись к стене. Вскоре к нему подошла старуха, она принесла кувшин с теплой водой, чистое полотенце и маленькую баночку. Когда Эдик взял кувшин и полотенце, женщина сказала, что мазью из баночки нужно помазать раны. Сержант не стал привередничать и после того, как промыл и протер полотенцем те раны, до которых смог достать, он помазал мазью из баночки ожоги и порезы. Как не удивительно, но буквально через пару минут он почувствовал облегчение. Женщина в этот момент поставила на стол кувшин с молоком, чашку и кусок хлеба. Эдик жадно накинулся на еду, и утолив голод, рассказал о том, что случилось и как ему чудом удалось уйти.

– А ты и не умрешь от того, что стреляет. Так что нет тут ничего удивительного. Бояться тебе надо не пули, а того, что расплавит твое сердце – сказала женщина.

Эдик хотел расспросить ее о том, что она имеет в виду, но женщина больше ничего не сказала и вышла из дома. Немного отдохнув, он отправился в путь и вскоре встретил своих. Это был отряд, посланный на помощь его взводу. Сержант все рассказал командиру отряда о жестоком бое, и его отправили в госпиталь. Поправившись, Эдик вернулся в свою часть и еще некоторое время продолжал участие в боевых действиях. Несколько раз он ловил себя на мысли что то, о чем сказала встреченная им старуха, похоже на правду. Желание проверить это, переросло постепенно в навязчивую идею. Эдик довольно часто не оправданно рисковал в сложных боевых ситуациях, но выходил из них невредимым. Такое положение дел, почему-то сильно его угнетало. Когда же он наконец демобилизовался, но не захотел оставаться в Сербии и уехал в Россию. Однако там тоска его начала душиТЬ с еще большей силой, он крепко запил и пропал бы совсем, но как уже говорилось, его выручил Насонов и работа в студии. Его навязчивая идея о своей неуязвимости, постепенно оформилась в манию. У Эдика сложилось четкое мнение о том, что, если когда-нибудь не он проверит репрезентативный образец, обязательно случится что-то непоправимое. Поэтому несмотря ни на какое свое состояние, Эдик делал все чтобы только он проверял образцы оружия.

Так вот наступил последний день ожидания. Эдик очень плохо себя чувствуя решил выйти в павильон из своей тесной коморки. Там шли съемки одного из эпизодов. Актер Дмитрий Красовский очень старался справиться с одной сценой так, как этого требовал от него режиссер, но дубль за дублем ничего не выходило. Власов просто вышел из себя:

– Ну нельзя, нельзя быть настолько бестолковым и не понимать, как сыграть элементарную сцену. Любого человека с улицы попросить и тот справится. Вот он, например. Эдик подойди сюда – с этими словами Власов помахал Эдику рукой приглашая подойти. Эдик, который никогда не обижался на фамильярное к нему обращение, подошел к режиссеру.

– Скажи, ты можешь сыграть эту сцену? Думаю, ты ее уже видел, да и слов там немного – спросил Власов при этом зло глядя на актера Красовского.

– Могу попробовать – ответил новоиспеченный актер.

– Если слова нужны, я могу дать тебе текст – уже мягче произнес Власов

– Не надо, я запомнил – тихо сказал Эдик.

Режиссер несколько удивленно посмотрел на помощника реквизитора, пожал плечами и дал отмашку. Сцена была сыграна сразу и настолько хорошо, что Власов захлопал в ладоши, что он сделал до этого на съемочной площадке, только один раз.

– Bravo! – захлопал в ладоши Власов и повернувшись к Красовскому, сказал.

– Вот он и будет играть эту роль.

– А как же я? – спросил Дмитрий.

– А ты свободен. Можешь найти себе место в массовке – уже не глядя на актера ответил режиссер

– Ну что Эдуард, поздравляю, начнем пересъемки завтра.

Извините, я вообще-то не спросил вашего согласия. Что скажите?

Эдик немного опустил голову словно задумавшись, но сделал он это от слабости. Потом встряхнулся и сказал:

– Конечно, я очень рад. Спасибо.

И вышел из павильона.

Это был удар ниже пояса. Это было крушение многих надежд. Нет, не для Дмитрия Красовского, как можно было бы подумать. Хотя он, конечно, расстроился. После очень долгого периода застоя, вызванного его пристрастием к различным расслабляющим веществам, это была первая, пусть и небольшая роль у известного режиссера. Но он не собирался делать из этого трагедию. А вот его агент Гриша, был готов заплакать. Он убил уйму времени и сил на этого актера и с таким трудом выбил ему роль. И что теперь? Начать все сначала или есть какой-то выход? С этими мыслями Гриша прошел к выходу из павильона повернул за угол и встал, прислонившись к стене. Неожиданно он услышал разговор:

– Не переживай. Завтра закончишь. Убирай все и иди лечись, на завтра все готово, так что, если хочешь я сам проверю перед съемкой. Да ладно, шучу я, шучу.

Гриша подошел поближе и увидел, что перед коморкой Эдика стоит Борис Степанов и видимо разговаривает со своим помощником. Из разговора, Гриша понял, что Эдик отремонтировал образцы, нужные для завтрашних съемок, но не проверил их так как он обычно это делал. Тут как молния в голове Гриши вспомнился утренний разговор с Борисом в курилке. Тот сказал, что привезли несколько экземпляров револьверов, каких-то левых. И Эдик сказал, что они не только исправны, но и заряжены, хоть сейчас на войну. Ну и далее прошелся крепким словом по поставщикам. Гриша продолжал стоять, глубоко погружившись в мрачные мысли, и одна из них начала, медленно формируясь захватывать его сознание. Он вспомнил, как Эдик однажды говорил, что всегда проверенные образцы кладет в коробку слева от себя, чтобы потом не путаться. В этот момент из коморки показался помощник реквизитора, немного покачиваясь на ногах, он закрыл дверь, потом потер себе виски и медленно пошел к выходу.

Коварный, страшный план созрел в голове у Гриши. В начале он даже пытался мысленно бороться с собой. Но вспомнив, что не так давно видел Танечку, выходящую из студии под руку с Эдиком, а Гриша тоже был в числе тех, кто к ней подкатывал, решил окончательно. Подождав пока практически все разойдутся, он пробрался в каморку Эдика. Открыть дверь он смог благодаря некоторым навыкам, полученным им в лихие девяностые, когда Гриша чуть не сту-

пил на скользкий путь добывания легких денег. На его счастье оружие, как подготовленное к съемкам, так и поступившие образцы все еще лежали на столе. Эдик был настолько плох, что забыл их убрать в сейф. Гриша знал какая сцена и с каким оружием будет сниматься первой с самого утра. Поэтому он уверенно взял револьвер из левой коробки, затем нашел такой же в куче справа и поменял их местами. Он уже хотел уходить, но одна мысль остановила его. Он взял револьвер из коробки и открыл барабан. Патронов в нем не оказалось. Быстро, неловкими движениями, Гриша стал копаться в банках, стоявших на столе. Он нашел две банки с патронами, на одной была надпись «х. маслины» а на другой «б. маслины». Решив, что буква «б» значит боевые, он достал из нее патроны, подходящие к револьверу. Заполнив барабан, он протер тряпкой оружие и снова положил его в коробку. Потом вышел из коморки и запер дверь.

Ночью Эдик не мог заснуть, лекарства не помогали. Он, конечно, понимал, что с ним что-то более серьезное чем простуда. И вообще надо было прислушаться к совету Бориса и начать принимать антибиотики. Однако Эдик верил в себя и не верил в лечебную силу лекарств. Ближе к утру он вызвал скорую. Врачи диагностировали воспаление легких, но для точного диагноза и лечения, Эдику предложили поехать в больницу.

– Только не сегодня -, слабым голосом ответил он.

Эдику вдруг стало страшно, что если он не придет сегодня

на студию, то потеряет Таню навсегда.

– Тогда пишите отказ от госпитализации – недовольным тоном произнес врач.

– Но вы должны отдавать себе отчет, что речь идет о вашей жизни.

– Хорошо я напишу – сказал Эдик.

Ему сделали укол, и врачи уехали. После этого Эдик уснул.

Гриша, не спал. Он сидел у себя на кухне и пил кофе. Потом взял со стола телефон и набрал Дмитрию Красовскому.

– Привет – сказал Гриша

– Привет. А чего это ты так поздно. «Не спится?» – спросил, не очень четко произнося слова Дмитрий

– Да, всё думаю. А ты не пил часом? – настороженно спросил Гриша.

– Да нет. Так бокал вина. А что?

– Да я вот думаю, надо тебе завтра пойти на съемки.

– Зачем?

– А затем что Власов человек настроения. Завтра отойдет, а тот жестянщик глядишь налажает где-нибудь. и тебя снова на роль подпишут.

– Думаешь? – недоверчиво спросил Красовский.

– Конечно, так в нашем деле часто бывает. А я поеду ещё в одно место, может там что предложат. Так что ложись спать и завтра чтоб как огурец.

– Есть сэр! – отпартовал Дмитрий.

– Тогда спокойной ночи – сказал Гриша и выключил телефон.

Утром Власов был в не лучшем настроении и сразу позвал Бориса, чтобы тот принес оружие. А приехавшую Танечку отправили на розыски Эдика, которого с утра никто не видел, и который не отвечал на звонки. Праздношатающийся Дмитрий, показавшись на глаза Власову прошел к коморке Эдика и заглянул внутрь. Перед столом в нерешительности стоял Борис. В руке он держал револьвер.

– Что проблема какая-то? – участливо спросил Дмитрий.

Борис оглянулся и увидев, что кроме Красовского никого нет, смущенно сказал:

– Да понимаешь, Эдик вчера все сделал, но контрольно не проверил.

– И ты теперь засомневался, да?

– Да – выдохнул Борис

– А знаешь, если механик может в одночасье стать актером, то и актер, добавлю, не из последних, сможет стать механиком. Хотя бы на пять минут.

После этих слов Дмитрий твердым шагом подошел к Борису, и взял из его руки оружие. В этот момент на телефон главного реквизитора, кто-то позвонил.

Танечка, ехала в такси к Эдику. Еще пару дней назад, она начала предчувствовать, что с ним что-то может случиться. Надо сказать, что чем ближе был день ее возвращения тем

отчетливей она понимала. Что Эдик крепко запал ей в сердце. Она постоянно думала нем и ничего с этим не могла поделать. И теперь она была преисполнена тревоги и даже страха, что больше его не увидит. Наконец такси остановилось у нужного ей дома. Танечка расплатилась и пошла вдоль здания, и тут на углу она увидела табличку с адресом. К своему ужасу она обнаружила, что у этого дома под номером пятнадцать есть корпуса. А в ее листке с написанным адресом, никакого корпуса не было.

– Ничего я обойду все, не надорвусь – подумала девушка и решила начать с того перед которым стояла. Это бы корпус под номером два. Таня вошла в подъезд и поднялась на второй этаж. Какой-то внутренний голос говорил ей, что она стоит у нужной двери. Таня позвонила в звонок. Один раз, потом ещё и ещё. Дверь никто не открывал.

– Вы к Эдику? – услышала Таня у себя за спиной женский голос.

Она обернулась и увидела пожилую женщину, в серой кофте, которая вышла из своей квартиры.

– Да. Но он почему-то не открывает и на работу сегодня не пришел – чуть не плача сказала Танечка.

– Вот и я волнуюсь. С утра врачи приезжали. Он вызвал наверно. Потом они уехали, но Эдика с ними не было. Я подумала значит ничего серьезного, раз уехали. Вы постучите, может он спит – сказала женщина.

В этот момент из ее квартиры послышался хриплый муж-

ской голос:

– Маня, ну где-ты там.

– Иду, иду – ответила женщина и быстро вернулась к себе.

Танечка, немного постояла перед дверью, а потом стала колотить в нее ногами и руками. И тут к своей огромной радости услышала звук открывающегося замка. Дверь открылась, и на пороге появился бледный с взъерошенными волосами и сильно помятым лицом, но такой родной Эдик. Увидев перед собой Танечку, он улыбнулся и сказал:

– Прости, я не одет. Приболел немного.

Эдик сильно покачнулся и наверное бы упал, но Таня крепко схватила его за руку.

– Пойдем, я тебя уложу. Теперь ты у меня поправишься.

Эдик послушно пошел к своему дивану, держась за руку девушки. Он лег, и Таня накрыла его одеялом.

– А сколько времени? – вдруг взволнованно спросил он, и привстал.

– Десять, начало одиннадцатого – ответила Таня, глядя на свои часики.

– Что же я наделал. Проклятая болезнь. Они же не знают.

– Да, что случилось, скажи ты толком – довольно строго спросила Таня.

Патроны, я перепутал банки. Борис знает, где холостые, а я перепутал. Револьвер исправен и если они зарядят – Эдик со стоном повалился на подушку.

– Ничего страшного, успокойся. Сейчас все поправим –

стараясь быть спокойной сказала Таня. Она достала свой телефон и набрала номер Бориса.

– Алло, Боря. Да нашелся. Слушай меня внимательно. Ни в коем случае, не используйте реквизит, который Эдик вчера смотрел.

Степанов, медленно повернулся и увидел, что Красовский немного повертел револьвер в руке и приставил к виску. Посмотрев на главного реквизитора, он улыбнулся и произнес:

– Эдик мастер своего дела. И никогда не подводил.

Борис, как тигр бросился вперед и ударом ладони отвел дуло от виска актера. Раздался выстрел. И Борис, и Красовский зажмурились от громкого хлопка. Но пуля из дула не вылетела. Первым пришедший в себя актер, посмотрел на Степанова, потом на револьвер и сказал:

– Что это ты?

– Знаешь, показалось, просто – дрожащим голосом произнес Борис.

– А, за меня испугался. Да ладно, мы же тут все профессионалы.

– Эдик, так просто маг какой-то – выдохнув сказал главный реквизитор и присел на стул.

Прошел месяц и вся съемочная группа, и многие сотрудники студии сидели в шикарном ресторане в центре Москвы. Гости уже охрипли от ледяной водки и дружных громких возгласов: Горько! Во главе длинного стола сидел Эдик, впервые в жизни одевший костюм и удивительно красивая

Танечка в белоснежном свадебном платье. Громче всех кричал актер Красовский, которого, к слову, Власов вернул на роль в своем фильме. Красовский считал, что Эдик обладает каким-то магическим свойством приносить удачу. В этом его уверил, главный реквизитор Степанов, который обращался теперь к своему подчиненному только на вы и по имени отчеству.

После этого случая Гоша, завязал с агентской деятельностью. Он вспомнил, что его двоюродный брат несколько лет назад стал монахом в одном северном монастыре. Гриша отправился к нему, решив, что больше никому не может открыть своей тайны. После разговора, он оставил этот суетный мир, оставшись вместе со своим братом.